

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

№ 24

1990

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

Э Х О

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 24

Издается с января 1925 года

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

ЭХО

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

(1910—1975)

Ольга любила старинное доброе обращение: «.. итак дай руку, дорогой читатель, и отправимся с тобой...». Так вот, мы пройдем с тобой, читатель (насколько позволит объем сборника), по многим тропам ее жизни. Заглянем в глубокие лагуны испытаний — жестоких, но для большой души и плодотворных. И прикоснемся к вершине, как она сама назвала период войны и блокады.

Я думаю, читатель, тебе хорошо известна Ольга Берггольц — Муза Ленинграда, Мадонна Блокады, но звали ее и «Наша Оля» — и все это справедливо.

В этой книжке немало стихов, находившихся у поэта «в столе»: одни были «зарублены» цензурой, другие она и не пыталась публиковать. Большинство из них опубликовано посмертно в разных изданиях.

Ее стих всегда безжалостно правдив (и к самой себе тоже), всегда направлен на торжество духа и борьбу с тиранией.

В дневнике 13/IV 1942 года есть такая запись:

«От отца с 3/IV нет вестей. Может быть, его уже нет в живых, погиб в пути (отца выслали за то, что он отказался быть сексотом — М. Б.).»

А почтенное НКВД «проверяет» мое заявление относительно папы. Еще бы! Ведь я могу налгать, я могу «не знать» всего о собственном отце, — они одни все знают и никому не верят из нас! О мерзейшая сволочь! Ненавижу!

Воюю за то, чтобы стереть с лица советской земли их мерзкий антинародный переродившийся институт. Воюю за свободу русского слова, — во сколько раз больше и лучше наработали бы мы при полном доверии к нам? Воюю за народную советскую власть, за народоправие, а не за почтительное народодействие. Воюю за то, чтоб чистый советский человек жил спокойно, не боясь ссылки и тюрьмы. Воюю за свободное и независимое искусство. Ну, а если всего этого не будет... посмотрим!»

И она воевала всю жизнь. Ее оружием были вера юности, горечь прозрений зрелости и — невозможность жить иначе, чем «положив живот свой за други своя»

Но при всей трагичности судьбы она любила относиться к себе слова Александра Блока «Простим угрюмство! — Разве это сокрытый двигатель его? Он весь — дитя Добра и Света, он весь — свобода торжества!»

М. Берггольц

* * *

О, если б ясную, как пламя,
иную душу раздобыть.
Одной из лучших между вами,
друзья, прославиться, прожить.

Не для корысти и забавы,
не для тщеславия хочу
людской любви и верной славы,
подобной звездному лучу.

Звезда умрет — сиянье мчится
сквозь бездны душ, и лет, и тьмы, —
и скажет тот, кто вновь родится:
«Ее впервые видим мы».

Быть может, с дальним поколеньем,
жива, горда и хороша,
его труды и вдохновенья
переживет моя душа.

И вот тружусь и не скрываю:
о да, я лучшей быть хочу,
о да, любви людской желаю,
подобной звездному лучу.

1927

Невская застава

КАМЕННАЯ ДУДКА

Я каменная утка,
я каменная дудка,
я песни простые пою.

Ко рту прислони,
тихонько дыхни —
и песню услышишь мою.
Лежала я у речки
простою землею,
бродили по мне журавли,
а люди с лопатой
приехали за мною,
в телегах меня увезли.
Мяли меня, мяли
руками и ногами,
сделали птицу из меня.
Поставили в печку,
в самое пламя,
горела я там три дня.
Стала я тонкой,
стала я звонкой,
точно огонь, я красна.
Я каменная утка,
я каменная дудка,
пою потому, что весна.

1926, 1930

* * *

Я люблю сигнал зеленый,
знак свободного пути.
Нелюбимой, невлюбленной,
хорошо одной брести.

Снег легчайший осторожно
вертится у самых губ...
О, я знаю — все возможно,
все сумею, все смогу.

Разве так уж ты устала,
беспокойная душа,
разве молодости мало
мира, круглого как шар?

И твердят во всей природе
зеленые огоньки:

проходите, путь свободен
от любви и от тоски...

1935.

ПОЛДЕНЬ

Как летел в тот полдень автобус,
Задыхаясь, дрожа, пыля!
Поворачивалась, как глобус,
Вечно праздничная земля.
О, как мчался автобус в полдень,
Сквозь библейский простор холмов,
Виноградом и зноем полных,
Изукрашенных в плющ домов.
Сквозь дремучие гроздья хмеля,
Сквозь долины, потоки, поля,
Где в соку табаки дурели,
Слабо листьями шевеля.
Пахло медом, вином и мятой,
Но пьяней и нежней всего
Крымских яблок продолговатых
Ароматное торжество.
И дыхание до отказа
Перехватывал нам с тобой
Мир, открытый внезапно, сразу,
Изумленный самим собой.
Как подросток, мир, изумленный
Силой, крепнущей по часам,
Дерзкий, смуглый, красноточный,
Все, что есть, отдающий нам.

1935.

* * *

Знаю, знаю, в доме каменном
Судят, рядят, говорят
О душе моей, о пламенной,
Заточить ее хотят.
За страдание за правое,
За неписанных друзей

1937-38.

1

Январь 1939
К <амера> 33.

Как странно знать, что в городе одном,
 Почти что рядом мы с тобой живем...
 Я знаю, как домой дойти: пятнадцать
 Минут ходьбы, пять улиц миновать.
 По лестнице на самый верх подняться
 И в дверь условным стуком постучать.
 Ты ждешь меня, возлюбленный! Я знаю,
 Ты ждешь меня, тоскуя и любя...
 Нет, я не виновата, что страдаю,
 Что заставляю мучиться тебя!
 О, только бы домой дойти! Сумею
 Рубцы и язвы от тебя укрыть
 И даже сердце снова отопрею,
 И даже верить буду и любить.
 О, только бы домой дойти! Пятнадцать
 Минут ходьбы. Пять улиц миновать.
 По лестнице на самый верх подняться
 И в дверь условным стуком постучать...

1939 г., январь
 К <амера> 33.

Из края тьмы, бессмысленной и дикой,
 В забытое земное бытие
 Я душу увожу, как Эвредиду,
 Нельзя мне оглянуться на нее.
 Шуршат изодранные покрывала,
 Скользят босые слабые ступни...
 Нет,— не глядеть, не знать, какой ты стала
 За эти, смертью отнятые дни,
 Нет,— если я условие нарушу
 И обернусь к запретной стороне,—
 Тогда навек я потеряю душу
 И даже песни не помогут мне...

<1939 г.> май
 Одиночка 9.

Где жду я тебя, желанный сын?
 — В тюрьме, в тюрьме!
 Ты точно далекий огонь, мой сын,
 В пути, во тьме.
 Вдали человеческое жилье.
 Очаг тепла.
 И мать пеленает дитя свое,
 Лицом светла.
 Не я ли это, желанный сын,
 С тобой, с тобой?
 Когда мы вернемся, желанный сын,
 К себе домой?
 Кругом пустынно, кругом темно,
 И страх, и ложь,
 И голубь пророчит за темным окном,
 Что ты — умрешь...

Март 1939
Одиночка 17.

Сестре

Мне старое снилось жилище,
 где раннее детство прошло,
 где сердце, как прежде, отыщет
 приют, и любовь, и тепло.

Мне снилось, что святки, что елка,
 что громко смеется сестра,
 что искрятся нежно и колко
 румяные окна с утра.

А вечером дарят подарки,
 и сказками пахнет хвоя,
 и звезд золотые огарки
 над самую крышей стоят.

...Я знаю — убогим и ветхим
 становится старый наш дом;

нагие унылые ветки
стучат за померкшим окном.

А в комнате с мебелью старой,
в обиде и тесноте,
живет одинокий, усталый,
покинутый нами отец...

Зачем же, зачем же мне снится
страна отгоревшей любви?
Мария, подруга, сестрица,
оклики меня, позови...

Март 1939.

6. ВОСПОМИНАНИЕ

Ночника зеленоватый свет,
Бабочка и жук на абажуре.
Вот и легче... Отступает бред.
Это мама около дежурит.

Вот уже нестрашно, снится лес,
пряничная, пестрая избушка...
Хорошо, что с горла снят компресс
и прохладной сделалась подушка.

Я сама не знаю — почему
мне из детства,
мне издалека
лется в эту каменную мглу
только свет зеленый ночника.

Тихий, кроткий, милый, милый Свет,
ты не оставляй меня одну.
Ты свети в удушьё, в горе, в бред—
может быть, поплачу и — усну...

И в ребячьем свете ночника
мне приснится все, что я люблю,
и родная мамина рука
снимет с горла белую петлю.

Апрель 1939.

7. МАЛОЛЕТКИ НА ПРОГУЛКЕ

Догоняя друг друга,
В желто-серых отрепьях,
Ходят дети по кругу
Мимо голых деревьев.

Точно малые звери,
Лисенята в темнице...
О, туман желто-серый
На ребяческих лицах!

Двух детей схоронила
Я на воле сама,
Третью дочь погубила
До рожденья — тюрьма...

Люди милые, хватит!
Матерей не казнят!
Вы хоть к этим ребятам
Подпустите меня.

*Апрель 1939 г.
Арсеналка. Больница*

8

Костер пылает. До рассвета
угрюмый ельник озарен.
Туман и полночь, рядом где-то
томится песня-полусон...
Как мы зашли сюда? Не знаю.
Мы вместе будем до утра.
Июнь, туман, костер пылает,
звенит и плачет мошкара.
Я говорю:

«Теперь, как жажда,
во мне желание одно:
таким костром сгореть однажды
в лесу, где сыро и темно.
Я жалобою не нарушу
судьбу горящую свою:

пусть у костра погреют души
и песнь отрадную споют...»

Июнь 1939

Из цикла «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Мне надо было, покидая
угрюмый дом, упасть в слезах
и на камнях лежать, рыдая
у всех прохожих на глазах.
Пускай столпились бы, молчали,
пускай бы плакали со мной.
Со мной исполнены печали
неутолимой и одной...
Пускай, с камней не поднимая,
но только плечи охватив,
сказали б мне:
«Поплачь, родная.
Когда наплачешься — прости».
Но злая гордость помешала.
И, стиснув губы добела,
стыдясь, презрев людскую жалость,
я усмехнулась и ушла.
И мне друзья потом твердили
о некоем мужестве моем,
и как победою — гордились
удушливо бесслезным днем,
Им не понять, что черной платой
за это мужество плачу:
мне петь бы вам — и плакать, плакать...
Но слезы отняты. Молчу.

1939

НА ВОЛЕ

Неужели вправду это было:
На окне решетки, на дверях?..
Я забыла б — сердце не забыло

Это унижение и страх.
До сих пор неровно и нечетко,
Все изодрано, обожжено,
Точно о железную решетку
Так о жизнь колотится оно...
В этом стуже горестном и темном
Различаю слово я одно:
«Помни» — говорит оно мне... Помню!
Рада бы забыть — не суждено...

1939 г., октябрь

* * *

Вот обижали и судили,
Забрасывали клеветой,
А все-таки не разлюбили
Ни глаз моих,
ни голос мой.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Расстилает тьму
ночь метельная.
Дай спю тебе, муж,
колыбельную.
Ты приляг — теплей
На плече моем...
Много-много дней
проживем вдвоем.
Нам враги вокруг
удивляются,
нами каждый друг
похваляется...
Нам в последний бой
уходить с тобой,
если смерть придет —
умирать с тобой.
Если ж ранят вдруг,
искалечат вдруг —
ты не бойся, друг,
не смущайся, друг:
буду нянькою,
буду мамкою...

Ты приляг — теплей
на плече моем.
Много-много дней
будем жить вдвоем...

Осень 1939

* * *

Струна в тумане —
песня моя сейчас,
зато не обманет
она никого из вас.

Она отзовется
тебе, одинокий друг.
Она оборвется,
если изменит звук.

Ночная страна
дорогою дальнею манит,
и глухо звучит струна,
струна в тумане...

1940

* * *

Мне стыдно за тебя, кормилица, подруга,
— Зачем ожесточаешь нас,
Как ящеров бросаешь друг на друга,
Чтоб скрежет был и стон, и кровь лилась...

Из сердца — кровь, а из гортани — гной.
И задыхаясь, этим горлом смрадным
Осанну вопием

и хвалимся тобой,
Как нищий язвой.
Кошунствуем и вновь поем отрадно.

Так, — сколько лет — идут за днями дни.

Так надо, — говоришь? Ну, что ж, возьми...
Мы молим об одном: не обмани.
Когда-нибудь мы станем вновь — людьми.

1940

Из цикла «РАЗГОВОР С РОДИНОЙ»

1

Гнала меня и клеветала,
Детей и славу отняла,
А я не разлюбила — знала:
Ты — дикая. Ты — не со зла.
Служу и верю неизменно,
Угрюмой стала и сильнее.
...Не знай, как велика надменность
Любви недрогнувшей моей.

2

Да, я теперь, пройдя сквозь муку, знаю:
Я — это ты, мы вместе, мы одно.
И если я страдаю — ты страдаешь,
Я радуюсь — ты счастлива со мной.
Так умолчу ли о своем страдании,
Таиться ль буду, счастьем дыша?
Когда у нас единое дыхание,
Одна непобедимая душа?

* * *

О, друг, я не думала, что тишина
Страшнее всего, что оставит война.

Так тихо, так тихо, что мысль о войне,
Как вопль, как рыдание в тишине.

Здесь люди рыча, извиваясь ползли,
Здесь пенилась кровь на вершок от земли...
Здесь тихо, так тихо, что мнится — вовек
Сюда не придет ни один человек,

Ни пахарь, ни плотник и ни садовод —
Никто, никогда, никогда не придет.

Так тихо, так немо — не смерть и не жизнь.
О, это суровее всех укоризн.
Не смерть и не жизнь — немота, немота —
Отчаяние — стиснувшее уста.

Безмерно живущему мертвые мстят:
Все знают, все помнят, а сами молчат.

1940
Финляндия

* * *

Откуда такое молчание?
О, новый задуманный мир!
Ты наш, ты желанен, ты чаян,
Ты Сердца и Разума пир.

Откуда ж молчанье на пире?
И чаши с вином не стучат,
И струны безмолвны на лире,
И гости, потупясь, молчат.

1940

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

1

Хочу простить и сердце просит
Спокойствия, горя от ран...
Но кто же предал нас, кто бросил,
Кто выдумал такой обман?

2

Ни разу не потупившись, ни разу
Глаза свои с глазами их скрестя!

Мы помнили, как Митя Карамазов
Стенал: «Нельзя, чтоб плакало дитя».

3

Социализм — это учет.
Коммунизм — это переучет,
Коммунизм — это Сов. власть минус НКВД.

ПРОЗВАНЬЕ

Дорога, одиночество,
Душа опять легка.
Забыла имя-отчество
Неверного дружка.

Опять брожу бездомная,
Покоя не храня.
Одно прозвание помню я,
Которым звал меня.

Оно, как пчелка, вертится,
То у виска жужжит,
То вдруг ужалит сердце,
То губы освежит.

О нежное жужжанье
В суровом шуме дня!
О, милое страданье,
Не покидай меня!

1940

* * *

Виденье паруса возникло в море,
Как знак судьбы скитальческой моей.
Не бойся, спутник, мы простимся вскоре,
И мне не надо верности твоей.
Но ты запомни паруса виденье,

Залив неповторимо голубой
И быстрой ласточки прикосновенье,
Перекрестившей воздух над тобой.

1940

* * *

Подбирают фомки и отмычки,
Чтоб живую душу отмыкать.
Страшно мне и больно с непривычки,
Не простить обиды, не понять.

Разве же я прятала, таила
Что-нибудь от мира и людей?
С тайным горем к людям выходила,
С самой тайной радостью своей.

Но правдивым — больше всех не верят.
Вот и я теперь уже не та.
Что ж, взломайте...

За последней дверью
Горстка пепла, дым и пустота.

1940 г.

* * *

И все неодолимее усталость,
И все ясней, что невозможно жить,
Но я живу: еще одно осталось —
В бою другого грудью заслонить.

1941 май.

* * *

...и я не могу иначе...
Лютер

Нет, не из книжек наших скудных
подобья нищенской сумы,
узнаете о том, как трудно,

как невозможно жили мы.
Как мы любили — горько, грубо.
Как обманулись мы, любя,
как на допросах, стиснув зубы,
мы отрекались от себя.
И в духоте бессонных камер,
все дни и ночи напролет,
без слез, разбитыми губами
шептали: «Родина... Народ»...
И находили оправданья
жестокости матери своей,
на бесполезное страданье
пославшей лучших сыновей
...О, дни позора и печали!
О, неужели даже мы
тоски людской не исчерпали
в беззвездных топях Колымы?
А те, что вырвались случайно,
осуждены еще страшной
на малодушное молчанье,
на недоверие друзей.
И молча, только втайне плача,
зачем-то жили мы опять, —
затем, что **не могли иначе**
ни жить, ни плакать, ни дышать.
И ежедневно, ежедневно,
трудясь, страшились тюрьмы,
и не было людей бесстрашной
и горделивее, чем мы.
За облик призрачный, любимый,
за обманувшую навек
пески монгольские прошли мы
и падали на финский снег.
Но наши цепи и вериги
она воспеть нам не дала.
И равнодушны наши книги,
и трижды лжива их хвала.
Но если, скрюченный от боли,
вы этот стих найдете вдруг,
как от костра в пустынном поле
обугленный и мертвый круг,
но если жгучего преданья
дойдет до вас холодный дым, —

ну, что ж, почитите нас молчаньем,
как мы, встречая вас, молчим...

22/V—24/V 1941 г.

* * *

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Я и в этот день не позабыла
горьких лет гонения и зла,
но в слепящей вспышке поняла:
это не со мной — с Тобою было,
это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена —
встала бы на зов Твой из могилы,
все б мы встали, а не я одна.

Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.

Он настал, наш час, и что он значит —
только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя — я не могу иначе,
я и Ты — по-прежнему — одно.

Июнь 1941

29 ЯНВАРЯ 1942 ГОДА

*Памяти друга и мужа Николая
Степановича Молчанова*

Отчаяния мало. Скорби мало.
О, поскорей отбыть проклятый срок!

А ты своей любовью небывалой
меня на жизнь и мужество обрек.

Зачем, зачем?
Мне даже не баюкать,
не пеленать ребенка твоего.
Мне на земле всего желанней мука
и немота понятнее всего.

Ничьих забот, ничьей любви не надо.
Теперь одно всего нужнее мне:
над братскою могилой Ленинграда
в молчании стоять, оцепенев.

И разве для меня победы будут?
В чем утешение себе найду?!
Пускай меня оставят и забудут.
Я буду жить одна — везде и всюду
в твоём последнем пасмурном бреду...

Но ты хотел, чтоб я живых любила.
Но ты хотел, чтоб я жила. Жила
всей человеческой и женской силой.
Чтоб всю ее истратила дотла.

На песни. На пустячные желанья.
На страсть и ревность — пусть придет другой.
На радость. На тягчайшие страданья
с единственною русскою землей.

Ну что ж, пусть будет так...

Конец января 1942

МОЛИТВА

Полземли в пожаре и крови,
светлые потушены огни...

Господи, прости, что в эти дни
начала я песню о любви.

Слышу стон людской и детский плач,
но кого-то доброго молю:
там, где смерть, и горе, и зола,
да возникнет песнь моя светла,
потому что я его люблю.

Потому что я его нашла
прежде, как солдат, а не жена,
там, где горе было и зола,
там, где властвовала смерть одна.

Может быть, когда-нибудь казнишь
тем, что на земле страшной всего,—
пусть,— я не скрываю,— в эти дни
пожелала я любви его.

Матери просили одного—
чтобы на детей не рухнул кров;
я вымаливала — сверх всего —
неизвестную его любовь.

Воины просили одного,—
чтоб не дрогнуть в тягостных боях,
я вымаливала — сверх всего —
пусть исполнится любовь моя.

Господи, я не стыжусь — о, нет,—
ни перед людьми, ни пред тобой,
и готова я держать ответ
за свершенную свою любовь...

1944

* * *

Как я жажду обновления,
оправдания этих дней,
этой крови искупленья
счастьем будущим детей!

Но душа мне отвечает,
темно-ржавая от ран:
искупленья не бывает,
искупление — обман.

.
И когда меня зароят
возле милых сердцу мест,—
крест поставьте надо мною,
деревянный русский крест!

Р. С. ...А было все не так, как мне казалось.
Еще страшнее было, не похоже.
Потом Победа нам сполна досталась,
ее священно-жаркий свет...

И все же —
так мало в мире нас, лю де й, осталось,
что можно шепотом произнести
забытое людское слово «ж а л о с т ь»,
чтобы опять друг друга обрести.

1940, 1946

* * *

На собраньи целый день сидела —
то голосовала, то лгала...
Как я от тоски не поседела?
Как я от стыда не померла?..
Долго с улицы не уходила —
только там сама собой была.
В подворотне с дворником курила,
водку в забегаловке пила...
В той шарашке двое инвалидов —
(в сорок третьем брали Красный Бор) —
рассказали о своих обидах, —
вот был интересный разговор!
Мы припомнили между собою,
старый пепел в сердце шевеля:
штрафники идут в разведку боем —
прямо через минные поля!..
Кто-нибудь вернется награжденный,
остальные лягут здесь — тихи,
искупая кровью забубенной
все свои **небывшие** грехи!
И соображая еле-еле,
я сказала в гневе, во хмелю:
— Как мне праведники надоели,
как я наших грешников люблю!

1948—49 (?)

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

1

А ветер все длится и длится,
Все хлещет в окошки веранды,
Как будто листает страницы
Поэзии контрабандной...

2

Знаю, что никто не защитит,
Ни от управхоза, ни от рока.
Я сама себе — и меч и щит,
Страж себе — без смены и без срока.

ТРИПТИХ 1949 ГОДА

I

Я не люблю за мной идущих следом
по площадям и улицам
Мой путь,
мне кажется, тогда —
стремится к бедам:
Скорей дойти до дома как-нибудь.
Они в затылок дышат горячо...
Сейчас положат руку на плечо!
Я оглянусь: чужими притворятся,
прохожими...
Но нас не обмануть:
к беде — к БЕДЕ —
стремглав идет мой путь.
О, только бы: скорей. Домой. Укрыться.
Дойти и запереться и вернуться.
Во что угодно сразу погрузиться:
в вино! В заботы! В бесполезный труд...

Но вот уж много дней,
 как даже дома
Меня не покидает страх знакомый,
 что по Следам Идущие —
 придут.

II

Не будет дома или будет дом,
 и легче будет иль еще печальней,—
 об этом годе расскажу потом,
 о том, как стало ничего не жаль мне.
 Не жаль стареть.
 Не жаль тебя терять.
 Зачем мне красота, любовь и дом уютный,—
 затем, чтобы молчать?
 Не-ет, не молчать, а лгать.
 Лгать и дрожать ежеминутно.
 Лгать и дрожать: а вдруг — не так солгу?
 И сразу — унижительная кара.
 Нет. Больше не хочу и не могу.
 Сама погибну.
 Подло — ждать удара!
 Не женское занятие: пить вино,
 по кабакам шататься в одиночку...
 Но я — пила.
 Мне стало все равно:
 продлится ли позорная отсрочка.
 Мне только слез твоих
 последних жаль,
 в то воскресенье в темный день погони,
 когда разлуки каторжная даль открылась мне —
 ясней, чем на ладони...
 Как плакал ты!

Последний в мире свет
мне хлынул в душу,—
слез твоих сыанье!

Молитвы нет такой и песни нет,
чтобы воспеть во мне твоё рыдание.
Но... даже их мне не дают воспеть...
В проклятой немоте изнемогаю...
И странно знать, что вот придет другая,
чтобы тебе с лица их утереть.
Живу — тишком.

Живу — едва дыша.

Припоминая, вижу — повсеместно

следы свои оставила душа:

то болью, то доверием, то песней...

Их время и сомненье не сотрет,

не облегчить их никаким побегом,

их тут же обнаружит

и придет

и уведет меня —

Идущий Следом...

Осень 1949 года

III

Я не люблю звонков по телефону,

когда за ними разговора нет.

«Кто говорит? Я слушаю!»

В ответ

молчание и гул, подобный стону.

Кто позвонил и испугался вдруг,

кто замолчал за комнатной стеною?

«Далекий мой, желанный, верный друг,

не ты ли смолк? Нет, говори со мною!

Одною скорбью мы разлучены,

одной безмолвной скованы печалью,

и все-таки средь этой тишины

поговорим... Нельзя, чтоб мы молчали!»

А может быть, звонил мой давний враг?

Хотел узнать, я дома или не дома?

И вот, услышав голос мой знакомый,

спокоен стал и отошел на шаг.

Нет, я скрываться не хочу, не тшусь.

Я всем открыта, точно домочадцам...

Но так привыкла с домом я прощаться,

что, уходя, забуду — не прощусь.

Разлука никакая не страшна:

я знаю — я со всеми, не одна...

Но, господи, как одиноко вдруг,

когда такой настигнут тишиною...

Кто б ни был ты,

мой враг или мой друг,—

я слушаю! Заговори со мною!

1949

К ПЕСНЕ

Очнись, как хочешь, но очнись во мне,—
в холодной, онемевшей глубине.

Я не мечтаю — вымолить слова.
Но дай мне знак, что ты еще жива.

Я не прошу надолго, хоть на миг.
Хотя б не стих, а только вздох и крик

Хотя бы шепот только или стон.
Хотя б цепей твоих негромкий звон.

1951

* * *

И все, кто порицал
и кто хвалил,
те, что преследовали,
что любили,—
равно печальные
придут к моей могиле,
и каждый бросит в яму горсть земли.
Последний дар,
вручаемый людьми.
Но ты не делай этого,— не надо.
Ты мне когда-то подарил весь мир,
всю горечь мира, всю его отраду
Нет, даже мертвой — мне не нужен прах
из рук твоих...
...А уж живой — тем боле.
Я лучше захлебнусь —
в вине, в обиде, в боли,
в своих пустых и темных вечерах.

1953

OTBET

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,—
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне.

И всегда со мной,
И никогда не поздно снова
начать всю жизнь
начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стога бы не зачеркнуть.

1952, 1960

* * *

Нет, судьба меня не обижала,
Щедро выдавала, что могла:
И в тюрьму ежовскую сажала,
И в психиатричку привела.

Провела меня через блокаду,
По смертям любимейших вела,
И мою последнюю отраду —
Радость материнства отняла.

Одарила всенародной славой,—
Вот чего, пожалуй, не отнять.
Ревности горючею отравой,
Сердцем, не умеющим солгать.

В скудости судьбу я упрекнуть не смею,
Только у людей бы на виду
Мне б стихами рассчитаться с нею.
Но и тут схитрила: не дадут.

1960

Неузнанные женские стихи¹.
Они начнутся с самой первой строчки,
С тоски о муже. О погибшей дочке.
Пусть они унылы и плохи,
Я не для вас пишу. Глубокой ночью.
Одна. Опухли веки — навсегда.
Пришло страшнейшее из одиночеств:
То одиночество напрасного труда.
И все напрасно: юность и дерзание,
Развернутая сила белых плеч,
Неразделенное с тобой страданье,
Виденье мести: одинокий меч...

1960

АХМАТОВОЙ

Здесь только крест из дерева невиданной породы
и над холмом одни трилистники встают.
Здесь — только Ты.
Ты — как сама природа.
Ты и твоя последняя свобода...
Бездомный, как всегда,
твой мировой уют...

1967

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

1

Рассчитывалась я десятилетиями
Безмолвия.
На мне — его печать.

¹ В автографе — написано строка на строку, можно прочесть: «Надменные, не женские стихи». (Прим. составителя).

За то, что все заметное — заметила
И стала — что же стала я?
Ах, да — молчать.

2

Я научилась многое прощать
Друзьям, приятелям, простым знакомым.
В ответ на клевету молчать,
По месяцам не выходить из дома

ЭХО

(вариант)

Ах, какое же Эхо запретили сегодня:
Многозвучное, громкое,
Многоголосое Эхо!
Ты воскликнешь в восторге —
Оно отзовется как имя Господне!
Вдруг исчезнет... Улыбнешься:
Ответит всемирным прелестнейшим смехом...
Ты заплачешь, оно отзовется
Рыданьем народным.

Нету Эха,
И лишь эхо меня вспоминает...
А теперь: шесть шагов вдаль — вперед.
Шесть шагов вдоль него...
Ах, какое же Эхо
у нас запретили сегодня!

1975 г.

К ЦИКЛУ «РОДИНЕ»

За то, что верила словам Твоим,
Жила, бесстрашно душу расточая
Я нынче гибну с именем твоим,
Не разлюбив и не прощая.

* * *

А уж путь поколения
вот как прост —
 внимательно погляди:
позади кресты,
 кругом — погост
И снова кресты впереди.

1975

* * *

И снова сердце гордо верит
 В один ответ,
Что время бытию — не мера.
 Что смерти — нет.

СОДЕРЖАНИЕ

«О, если б ясную как пламя...»	3
Каменная дудка	3
«Я люблю сигнал зеленый...»	4
Полдень	5
«Знаю, знаю, в доме каменном...»	5
Из цикла «ИСПЫТАНИЕ»	6
Из цикла «ВОЗВРАЩЕНИЕ»	11
На воле	11
«Вот обижали и судили...»	12
Колыбельная	12
«Струна в тумане...»	13
«Мне стыдно за тебя, кормилица, подруга...»	13
Из цикла «РАЗГОВОР С РОДИНОЙ»	14
«О, друг, я не думала, что тишина...»	14
«Откуда такое молчание?..»	15
Из записных книжек	15
Прозвание	16
«Виденье паруса возникло в море...»	16
«Подбирают фомки и отмычки...»	17
«И все неодолимее усталость...»	17
«Нет, не из книжек наших скудных...»	17
«Мы предчувствовали полыханье...»	19
29 января 1942 года	19
Молитва	20
«Как я жажду обновленья...»	21
«На собраньи целый день сидела...»	22
Из записных книжек	23
Триптих 1949 года	23
К песне	26
«И все, кто порицал...»	26
Ответ	27
«Нет, судьба меня не обижала...»	27
«Неузнанные женские стихи...»	28

Ахматовой	28
Из записных книжек	28
Эхо	29
К циклу «РОДИНЕ»	29
«А уж путь поколения...»	30
«И снова сердце гордо верит...»	30

БЕРГГОЛЬЦ Ольга Федоровна

ЭХО

Стихи

Составитель М. Ф. Берггольц

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 04.04.90. Подписано к печати 23.05.90. Формат 70 × 108¹/₃₂.
 Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
 Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,37. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2145.
 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
 издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Если Вы живете в сельской местности или имеете дачу (садовый домик), Вы можете переложить на Госстрах часть своих забот о сохранности имущества.

● Новый вид страховых услуг — страхование имущества на подворье — гарантирует Вам возмещение материального ущерба в случае уничтожения (гибели, повреждения) домашнего имущества, плодовых многолетних деревьев в плодоносящем возрасте, овец, коз, свиней и семей пчел. В понятие «домашнее имущество» входят предметы домашней обстановки, обихода и личного потребления, садово-огородный и другой инвентарь, сельскохозяйственная продукция, топливо и стройматериалы.

● Семьи пчел (в ульях) и пчеловодческий инвентарь считаются застрахованными и при нахождении их на кочевых пасеках, овцы, козы и свиньи — на месте их выпаса, а домашнее имущество — во всех жилых и подсобных помещениях, а также на приусадебном участке.

● Вы можете заключить договор на все имущество в целом или на отдельные виды, но с обязательным включением домашнего имущества (возможно 15 вариантов). Договор оформляется сроком на один год.

● Платеж составит в зависимости от варианта страхования 0,7—1,0% заявленной Вами суммы и может быть внесен наличными деньгами или путем безналичного расчета. Вам предоставлено право уплатить его в два срока. Для постоянных страхователей предусмотрены определенные льготы.

● Минимальная сумма страхования — 3 тыс. руб. Свыше 5 тыс. руб. договор заключается с осмотром имущества.

● Те, кто ценит и бережет имущество своего подворья, могут обратиться в Госстрах для заключения такого договора.

Государственное страхование СССР.

Правление.